

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Советский социализм — неисследованное

Опыт теоретического анализа

И.Б. ЧУБАЙС

В этом номере мы публикуем журнальный вариант одного из разделов новой книги И.Б. Чубайса «Разгаданная Россия». Россия понимается автором как страна, разделенная во времени, до 1917 г. — одна идея и идентичность, после — совсем иная. Публикуемый раздел книги посвящен Советскому Союзу и его системе ценностей. Наиболее глубокая проблема постсоветской России, по мнению автора книги, — обретение себя и осознание того, чему наследовать, каким маршрутом следует двигаться — российским, несоветским, западным или всеми тремя одновременно. Автор принадлежит к возникшей в конце 1990-х годов научной школе «Преемство», разрабатывающей алгоритм самовоссоединения с исторической Россией, выявляющей, что и как из российской исторической логики можно и необходимо вписать в современность.

Попытка построить рай на земле неизменно порождает ад.
К. Поппер

Февральско-Октябрьская революция как отказ от русской идеи

Посмотрим, как происходил ценностный разрыв, как новая власть отнеслась к находившейся в полосе кризиса русской идее.

Основой российской системы ценностей было православие. С конца XIX в. церковь стала разъедаться сектантством и атеизмом. Своеобразным ответом на этот процесс было появление среди интеллигенции богоискателей и богостроителей, стремившихся реформировать церковь и вписать ее в меняющуюся социальную реальность.

В возникшей общественной дискуссии позиция революционеров была однозначной. Большевицкое отношение к церкви, как известно, было абсолютно

Советский социализм — неисследованное

негативным. Прежде, даже во времена татаро-монгольского ига, храмы и монастыри нормально функционировали и не испытывали политического давления. А теперь, лишь только новая власть укрепилась на местах, церковь подверглась самым страшным в своей истории гонениям и притеснениям. Из 80 тыс. храмов в СССР сохранилось менее 10 %. Остальные были разрушены, взорваны, превращены в склады, а в некоторых даже открыли музеи атеизма. Около полумиллиона священников подверглись репрессиям, 200 тыс. были уничтожены физически. На смену богоискателям и богостроителям пришло «Общество воинствующих безбожников». Драматизм происходившего становится более понятным, если учесть, что церковные храмы по своему значению были сопоставимы с культовыми пирамидами Древнего Египта. Некоторые грандиозные религиозные сооружения, возведенные в пустынных, уединенных местах, с особой силой свидетельствовали о небывалой российской возвышенности духа.

Репрессиям были подвергнуты и все другие конфессии, и сохранившееся в отдельных регионах язычество. Позднее аналогичные процессы происходили и в других социалистических странах, а в некоторых, скажем в КНДР, происходят и сейчас. Впрочем, в каждой из них проявлялась своя национальная специфика. Например, в «народной Польше» запрет костела оказался бы равносильным запрету самой Польши, поэтому коммунисты не запрещали католицизм, но члены ПОРП не могли себя публично признавать верующими. В Монголии, напротив, буддизм искоренялся полностью, в стране не осталось ни одного буддийского ламы!

Непримиримая борьба советской власти с религией не была случайностью или ошибкой. Она осуществлялась совершенно сознательно. Новое государство утверждало абсолютную, безальтернативную власть и идеологию. Какой-либо плюрализм мнений, как и многобожие, оказывались здесь совершенно недопустимыми. В бога стремились превратить самого действующего вожда, Библию заменял «Капитал» Маркса, место церкви заняли «ленинские комнаты», райкомы и дворцы съездов. Вместо христианской веры следовало утвердить веру в коммунизм. Если проводившиеся Петром I в XVII в. реформы означали несомненное сохранение церкви, хотя и меняли ее социальный статус, то преобразования большевиков вели к уничтожению церкви как таковой.

Теперь посмотрим, что произошло с исчерпавшим себя собиранием земель и экспансией. В качестве теории и программы всех своих действий новая власть провозгласила марксизм. Согласно марксизму, революционный переход от капитализма к социализму есть универсальный закон истории, этим маршрутом, рано или поздно, должны пройти все страны и народы. Правда, по Марксу подобные преобразования не могут быть искусственно навязаны или спровоцированы. Они имеют объективно-исторический характер и возможны только после созревания соответствующих социальных предпосылок. Между тем в Советской России вера в неизбежность мировой революции, достигаемой с помощью вооруженной экспансии, мысль о ее неодолимости быстро и энергично внедрялись в сознание народных масс.

Тезис об экспансии не был простой словесной страшилкой, он активно воплощался в жизнь. Молодая Советская Республика оказывала идейную, экономическую, военную помощь своим единомышленникам во всех тех случаях, когда подобная помощь вообще могла быть оказана. Механизмом осуществления

такого влияния стал, в частности, Коммунистический Интернационал, созданный в Москве в 1919 г. И уже в 1920 г. И. Сталин подготовил проект конституции социалистической федерации, в которую на первых порах предполагалось включить четыре государства — Россию, Польшу, Венгрию и Баварию. В трех из них коммунисты были близки к победе или побеждали, но надолго взять власть не смогли. И только изнуряющая Гражданская война, противостояние красным Белого движения помогло Европе на время заслониться от экспансии большевиков. Именно в таком контексте воспринимал гражданскую войну Ленин, который в сентябре 1919 г. писал: «Не понять даже теперь, что идет в России (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот» [*Ленин 1926—1932*, с. 459—460].

Однако планы, которые не удалось реализовать в 1920-х годах, были отчасти осуществлены позднее, после победы Советского Союза над фашистской Германией. В 1950-х годах был создан «мировой социалистический лагерь», в который входили полтора десятка стран. Красный флаг развевался над Пекином и Тираной, над Берлином и Ханоем... Коммунистические партии и организации, иногда малочисленные, подпольные, а иногда и столь влиятельные, что были представлены в парламентах, существовали почти во всех странах мира. Коммунистическая экспансия продолжалась в 1960-х, 1970-х и даже 1980-х годах. Она распространилась на страны Африки, Азии, Центральной и Латинской Америки.

Можно ли считать, что распространение московского влияния означало своеобразное продолжение русской идеи в советских условиях? Вовсе нет, ведь собирание земель у нас происходило в XV—XVIII, начале XIX вв., т. е. в период, когда государства лишь формировались. В те времена не существовало международного права, а нормы, которые складывались в Европе, как раз предполагали возможность взаимопоглощения и интеграции. Россия собирала различные земли и утерритории, помогая их становлению в рамках единой и общей (а не сугубо русской или православной) империи. В отличие от этого Советский Союз направлял свою армию в другие, уже сложившиеся государства, нарушая их суверенитет и требуя, чтобы они шли с ним в едином строю. Еще более важным было то, что Россия с середины XIX в. начала сворачивать экспансию, переходя к преимущественно качественному развитию. Поэтому говорить о расширении советского влияния как о продолжении русской идеи собирания земель невозможно.

Третьей составляющей русской идеи был, как мы помним, общинный коллективизм. Менялось ли что-то в этой сфере? В Советском Союзе коллективизм официально и открыто признавался важнейшей общественной нормой. Он считался одной из главных черт советского человека. На первый взгляд может показаться, что советский коллективизм есть прямое продолжение российской традиции. Однако в действительности «крестьянский мир» и «советский коллектив» отличаются принципиально. Община вырастала снизу, она служила своеобразным социальным ответом на вызов природы, на сложные для земледельцев погодные условия. А советский коллективизм насаждался сверху, его цель заключалась в повседневном контроле власти над личностью.

В СССР каждый человек с самого детства оказывался в коллективе — в школьном, пионерском, комсомольском. В зрелом возрасте также никто не мог укрыться в одиночестве: советские люди существовали в трудовых, партийных,

Советский социализм — неисследованное

творческих, воинских, спортивных, научных коллективах. Социологи делят коллективы (точнее, группы) на неформальные (их правила формируют сами участники) и формальные (действуют в основном по нормам и правилам, созданным вне данной группы, контролируемым в конечном счете государством). Все советские коллективы были формальными, их руководители, от самых маленьких до самых высших, были обязаны сверять высказывания и действия каждого члена группы с официальными нормами и правилами. Коллектив подчинялся руководителю, а руководитель — государству.

Конечно, определить коллектив как формальный вовсе не значит выставить ему отрицательную оценку. Но такая задача и не ставится, наша цель — показать принципиальное отличие общинного коллективизма и коллективизма советского. Какие именно нормы и ценности утверждал советский коллективизм, мы определим позднее. Замечу только, что первый кинофильм, показавший, как может быть прав отдельный человек, а не коллектив, в котором он пребывает, вышел у нас в канун перестройки, — это картина Р. Быкова «Чучело». Прежде же сомневаться в том, что «Я — последняя буква русского алфавита», было нельзя, и школьники как непреложный императив зазубривали строчки В. Маяковского «Единица — вздор, единица — ноль...»...

Итак, мы вправе сделать вывод: новое государство отвергло прежнюю систему ценностей. То, что нуждалось в поддержке, было отброшено, то, что исчерпало себя, насильственно продолжили, а то, что работало, вывернули наизнанку.

Октябрьская революция как разрыв исторического времени. Россия — разделенная страна

Процесс отказа от прежних ценностей и разрыва времени происходил фактически на всех уровнях социальной организации.

Разрыв произошел на уровне государственного устройства. Думская монархия превратилась в республику рабочих и крестьян, в государство Советов. Место царских чиновников заняли партийные выдвиженцы, персональный состав правящего класса совершенно изменился. Были отвергнуты старые и утверждены новые символы государства — флаг, герб, гимн, изменилось до неузнаваемости само его название. Вместо девиза «С нами Бог!» утвердилась формула «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Советские энциклопедии справедливо характеризовали Ленина не только как создателя нового учения и новой партии, но и как *создателя нового государства*. Но это одновременно означало, что речь идет о разрушителе государства прежнего. Произошел перенос столицы с запада на восток — из Петрограда в Москву. Значительная часть западных территорий (Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), а также часть Грузии и Армении были утрачены. В целом территориальные преобразования носили более сложный характер, например, по так называемому Брестскому миру формально образовывалась Украинская республика, но в действительности это был лишь способ негласно отдать Малороссию Германии, которая тут же ее оккупировала. Мы не будем здесь более подробно останавливаться на множестве исторических деталей, для нас важно разобраться в проблеме в целом, в плоскости философского обобщения.

Полный разрыв произошел на правовом уровне. 30 ноября 1917 г. Председатель Совнаркома В. Ленин издал декрет, отменяющий и запрещающий употребление всего формировавшегося тысячу лет корпуса российских законов. От российского суда присяжных страна перешла к так называемому пролетарскому правосудию. Между тем новые законы не формируются так быстро, как отменяются прежние. Образовавшийся правовой вакуум очень устраивал новую власть. Вместо старых законов, она призвала апеллировать к революционной воле, к пролетарскому сознанию, к законам Парижской коммуны и т. д. Любая апелляция к прежнему российскому законодательству считалась преступлением, а виновные приговаривались к «лишению всего имущества».

Спустя семьдесят лет, в разгар перестройки, М. Горбачев призвал построить правовое государство, тем самым признав, что с 1917 г. мы находимся в государстве не правовом. Кстати, в правовое государство мы не вернулись и по сей день. В рамках международного права Советская Россия действовала в том же ключе, отказавшись от правопреемства с исторической Россией. Это послужило новой власти основанием для отказа от выплаты как внутренних, так и внешних долгов. Правда, никто особо не задумался над тем, что вопрос о многомиллиардной российской собственности за рубежом в результате этих действий повис в воздухе. Вопрос о правовом разрыве сам по себе очень широк. Отмечая только некоторые узловые моменты, не могу не указать еще на несколько существенных обстоятельств.

Выйдя из правового пространства, новое государство, а можно сказать, квазигосударство, стало с неизбежностью нарушать не только российское законодательство, но и те правовые нормы, которые само же декларировало. Оно порывало с самим собой и разрушало само себя. Запрещенными, помещаемыми в спецхран становились не только свободные издания Запада, но и собственные партийные газеты 15—20-летней давности. Первое большевистское правительство называлось Временное рабоче-крестьянское правительство. Было объявлено, что оно действует только до созыва Учредительного собрания. И действительно, всего через 17 дней после захвата Зимнего, состоялись свободные выборы в Учредительное собрание. Но его первое заседание, прошедшее 18 января 1918 г., стало и последним. Депутаты, отказавшиеся признавать советские декреты, были разогнаны. А Временное правительство преобразовано в Совнарком, который с марта 1946 г. переименован в Совет министров, просуществовавший до распада СССР. Об обещании прислушаться к решению Учредительного собрания так никто и не вспомнил.

Такая же нелегитимность присутствовала и в деятельности правящей партии. Десятый съезд РКП(б), проходивший в марте 1921 г., временно, на период действия чрезвычайной ситуации, — в дни его работы начался Кронштадский мятеж — запретил создание фракций. В апреле 1990 г. из КПСС был исключен ряд наиболее активных членов «Демократической платформы» — сторонников создания социал-демократической фракции. Образование фракции и было причиной их исключения. Это решение, осуществленное по команде Е. Лигачева, фактически означало, что чрезвычайная ситуация сохранялась в партии все 70 лет существования СССР.

Моральный разрыв стал продолжением и завершением разрыва правового. Если в исторической России в основе моральных норм стояли библейские

Советский социализм — неисследованное

заповеди, то Советское государство такого потерпеть не могло. И Ленин на III Съезде комсомола провозглашает новые критерии и новые нравственные принципы. Отныне морально то, что способствует победе мировой революции, что содействует победе коммунизма. В новом советском иконостасе соответствующее место занял Павлик Морозов, ребенок, отказавшийся чтить отца своего и донесший на него. Новую мораль, означающую полный разрыв с прошлым, как никто другой удачно символизировал этот образ пионера-героя.

Разрыв на уровне социальной структуры и собственности. Важнейшим декларируемым принципом новой власти был, как всегда, принцип отмены привилегий. Его реализация предполагала отмену всех существовавших в стране сословий. Лозунги социальной справедливости, равенства вдохновляли миллионы людей на активные действия. В результате реализации этой программы общество стало действительно однородным. Летом 1918 г. был расстрелян Император с супругой и детьми. Одновременно или несколько позже новая власть экономически, политически, а частично и физически ликвидировала дворянство, купечество, духовенство, царское офицерство, интеллигенцию. Казачество подверглось расказачиванию, кулачество — раскулачиванию.

Последним ликвидированным, а отчасти коллективизированным на советский лад сословием стало крестьянство. Землю после революции крестьяне действительно получили, но три года Гражданской войны они были обязаны отдавать почти весь урожай по продразверстке. После введения нэпа и отмены разверстки положение сельских жителей значительно улучшилось. Но в 1933 г. началось создание колхозов и массовая коллективизация в сельском хозяйстве. Загнать свободных крестьян в колхозы большевики смогли только под страхом голодной смерти. В зиму 1932/1933 г. в стране было умерено с голоду приблизительно 6 млн человек. Те, кто выжили весной 1933 г., вступили в колхозы.

Значительно раньше, уже в 1918 г., большевики провели национализацию и передали в собственность государства все банки, заводы, фабрики, транспорт, недвижимость и т. п. Вся собственность (кроме личной) объявлялась общенародной. В результате произошла радикальная трансформация всей социальной структуры общества. Кто был ничем — стал всем, а кто был всем — стал ничем. Соответственно менялись на противоположные знаки всей системы социальных поощрений и наказаний. Дети прежней интеллигенции и других имущих классов лишались права на получение образования, царские ордена и награды носить было нельзя, государственные преступники далекого и недавнего прошлого Российской империи становились героями...

Между тем, несмотря на все производившиеся преобразования, общество равных так и не было создано. Вместе с победой Октября возникло новое социальное деление; рядом с трудящимися и простым народом из бывших «профессиональных революционеров» и новых партийцев быстро формировался класс номенклатуры, тайно наделявший себя всеми возможными привилегиями. Само существование этого класса в СССР было тайной, а термин «номенклатура» никогда не использовался в советских научных изданиях.

Особенности тоталитарного государства. То, что начало происходить в нашей стране после октября 1917 г., имело свои особенности, свое специфическое лицо, но было во всем этом и общее, универсальное. Всякая тоталитарная, абсолютистская власть всегда и непременно порывает с прошлым. История не ведет

к тоталитаризму, и потому тоталитаризм с историей несовместим. Прошрое в такой системе всегда отбрасывается за ненадобностью. Новая власть начинает свой собственный отсчет времени, объявляя себя вечной. Подлинная история объявляется начинающейся именно с нее. Поэтому советские календари, указывая номер наступившего года, всегда указывали и какой это год от Октябрьской революции. Так поступают и в Северной Корее, на Кубе, так же поступали и в Третьем рейхе и т. д. Со времен Фултонской речи У. Черчилля, произнесенной в 1946 г., мир стал говорить о железном занавесе, опустившемся над социалистическим лагерем. (Впервые этот термин употребил в одном из своих послеоктябрьских стихотворений Василий Розанов.) Но мы до сих пор плохо осознали, что были оторваны не только от внешнего мира, но и от собственных корней. Между СССР и исторической Россией был вбит красный фундамент, который до сих пор не вполне демонтирован.

Невозможно переоценить важность и актуальность проблемы исторического разрыва. Ведь если разделенности эпох не было, то и говорить не о чем, пенять не на кого, исторической ответственности ни у кого ни перед кем не возникает. А если разрыв был, остро встает фундаментальная проблема сегодняшнего дня — как к нему относиться, можно ли его преодолеть и нужно ли это делать? Какой должна быть стратегия постсоветского государства? Эти вопросы очень сложны и остры, поскольку задевают каждого жителя страны. Ведь все мы и наши близкие родом из СССР, любой ответ влияет на наше социальное самочувствие, на нашу самоидентификацию. Между тем уход от ответа не меньше влияет на каждого из нас и на страну в целом. Поэтому в предстоящем поиске следует проявить и терпение и настойчивость, нам необходимо найти объективный и достоверный ответ.

Добавлю несколько соображений, адресованных прежде всего тем уважаемым читателям, которые искренне придерживаются левых убеждений. Во всех дискуссиях, в которых я принимал участие, коммунисты категорически отрицают какой-либо разрыв в нашей истории. Но ведь ответ на этот вопрос сформулирован еще в работах Ленина. Как спорить со всем здесь сказанным, если по обсуждаемой теме Ленин написал специальный труд, в котором ясно сформулировал свое, точнее марксистское, понимание проблемы. Летом 1917 г., готовясь и приближая бурные события, он работал над книгой «Государство и революция». Вот что в ней говорится: «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве» [Ленин 1926—1933, с. 28]. Сказать яснее, на мой взгляд, просто невозможно.

Тема исторического разрыва неисчерпаема, список аргументов можно продолжить. Но если кто-то с этой идеей абсолютно не согласен, его уже никак не переубедить. Даже если вспомнить, что с тех времен в наш язык вошли соответствующие клише «новое время», «молодая советская республика», в книгах стали писать о «родоначальниках советской поэзии, цирка, театра», а анекдот сообщал, имитируя голос радиодиктора, — «Мы передавали музыку, а сейчас послушайте произведения советских композиторов».

И все-таки теперь уже мне самому не понятно, как можно игнорировать разрыв, если происходившее в Петрограде, а затем охватившее всю остальную страну никто не называл «планово-легитимным переходом к новому государ-

Советский социализм — неисследованное

ственному статусу». Если поначалу события 25 октября считали вооруженным переворотом, то позже их стали официально именовать Великой Октябрьской социалистической революцией.

Если большое видится на расстоянии, давайте взглянем на себя со стороны. Представьте, что из недели в неделю телевидение информирует нас о бурных событиях в каком-нибудь европейском государстве. (Заранее извиняюсь за неприятный для ее граждан пример). Скажем, сообщается, что в Риме некие восставшие синекарабинеры низвергли правительство и президента, разогнали парламент, национализировали собственность, выслали из страны интеллигенцию, переименовали государство, перенесли столицу, отменили конституцию, отказались от правопреемства с Итальянской республикой, репрессировали генералов, офицеров, всех прежних собственников и политиков, вышли из всех международных договоров, объявили о предстоящем захвате всего мира, а также ежедневно расстреливали, расстреливали, расстреливали. Если это не разрыв с прежней историей, тогда что же такое разрыв?

Возвращаясь к рассматриваемым событиям, надо сознавать, что разрыв с собственными корнями неизбежно порождает и разрыв с общеевропейской традицией, с включенностью в европейскую цивилизацию. Россия не просто отступила на восток, она уходила в некий ирреальный условный мир. Именно после 1917 г. деление на Восток и Запад стало не просто заглавным, оно стало системой координат, а слова эти — базовыми категориями социально-философской и политологической картины мира. На протяжении всего своего существования СССР не сближался с Европой, не выстраивал новые мосты, не вступал в настоящий диалог и не искал честных компромиссов. Оторвавшись от Европы, он постоянно стремился вновь туда вернуться, но лишь для того, чтобы полностью ее переделать и оторвать от собственной европейской традиции так же, как был оторван от российской традиции Советский Союз. СССР всеми способами навязывал ей советско-коммунистическую идентичность и идеологию.

Разрыв с собственными корнями, начатый в 1917 г., вызвал глубочайший раскол в российском обществе. Он породил Гражданскую войну, продолжавшуюся четыре года и унесшую до 17 млн жизней. (За три года участия в Первой мировой Россия потеряла, по разным данным, от 3 до 5 млн человек.) Теоретический диалог о судьбе русской идеи, начатый Ф. Достоевским и В. Соловьевым, перерос в губительный для любого общества кровавый выбор — либо реформирование исторической России, либо революционное отбрасывание тысячелетнего наследия. Победили, как известно, предсказанные Достоевским бесы, а страна не услышала провидческое предупреждение.

Бюрократия как основа и социальная база советского государства. Последствия происходивших в России изменений были многоплановыми. Подчеркну и выделю одно из наиболее важных. Начавшиеся изменения меняли, мягко говоря, в худшую сторону статус всех устойчивых социальных слоев и сословий, кроме люмпенства. Радикальность революционных призывов и их несовместимость с российской социально-исторической культурной традицией могли решиться двумя путями — либо отказом от этих призывов и возвращением к модернизированной традиции, либо сотрясанием самих устоев и превращением маргинальности в норму. На практике именно вторая тенденция восторжествовала и поэтому левая власть, уничтожившая или радикально деформировавшая

все существовавшие социальные слои и группы, остро нуждалась в создании новой, собственной, надежной социальной базы. И такая база возникла, ею стали сами преобразователи. Бюрократия стала основой и опорой нового якобы рабоче-крестьянского, но в действительности абсолютно бюрократического, точнее бюрократически-идеологического, государства. Чиновничество перестало служить обществу, оно поставило общество себе в услужение. Численность бюрократии и бюрократических учреждений стала расти сразу после Октября, но и спустя десятилетия появлялись новые, прежде неведомые структуры, какие-то там Главспичпромы, Мосгорлаборпоомкоопсоюз и т. д. Чиновники в домоуправлении и в Кремле, в Верховном, городских и районных советах, в погонах и без, в Академии наук и Союзе писателей, в парткомах, профкомах, фабкомах, женкомах, комбедах и бесконечном количестве других «комов» заполнили и опутали всю страну, разрастаясь как страшная опухоль, направляемая политбюкратами и лично секретарем (первым или генеральным) правящей партии. Спустя тридцать-сорок лет то же самое происходило и в других странах Европы и Азии, идущих по так называемому социалистическому пути или «выбравших» в Африке и в той же Азии некапиталистический путь развития. Перерождение власти было причиной, следствием и зримым проявлением происходившего разрыва во времени.

Почему разрыв стал возможен? Утверждая мысль об историческом разрыве, мы одновременно порождаем серию новых загадок. Например, типичный вопрос, который возникает в этой связи, — а как все это могло произойти, чьими руками все было сделано? Ведь не марсиане же разрывали на части тысячелетнюю Россию? Марсиан, разумеется, не было. Хотя численность иностранных наемников в Красной армии (китайцев, венгров, немцев, латышей, чехов, словаков, сербов и т. д.) доходила до миллиона человек, т. е. составляла около трети ее личного состава. Собственно, это обстоятельство и побудило большевиков раздуть миф о капиталистической интервенции, которой фактически не было.

Между тем короткий ответ на поставленный вопрос с позиций обывателя и здравого смысла мы находим в книге отца белого генерала Н.Е. Врангеля «Воспоминания. От крепостного права до большевиков» [Врангель 2003]. Николай Егорович пишет: «...неоднократно и от иностранцев, и от русских приходилось слышать вопрос: "Как могло многомиллионное население подпасть под иго ничтожного меньшинства, даже не меньшинства, а горстки негодяев?" Можно ответить коротко: благодаря равнодушию большинства и темноте остальных. Когда с террасы дома Кшесинской ленинские молодцы, одетые в непривычные для русского глаза швейцарского фасона платья, явились народу и с нерусскими ужимками начали выкрикивать свои непривычные для русского уха слова, над ними трунили:

Ишь его разбирает, сердечного! Точно кликуша на церковной паперти.
А из каких они, баюшка, будут? — спрашивает старуха. — Тальянцы, что ли?
А Бог их знает! Не то тальянцы, не то французы...
Шуты гороховые, вот кто! — веско говорит чиновник.

Почти то же думали многие обыватели, и когда большевики стали у власти, страшного в них на вид ничего не было» [Там же, с. 371].

Действительно, проблемы начались несколько позже.

В начале прошлого века наша страна нуждалась в серьезных, качественных изменениях. Российское общество — и крестьянство, и интеллигенция, и

Советский социализм — неисследованное

политически активные слои — было готово к преобразованиям и ожидало их. Поэтому бурные потрясения 1917 г. не были какой-то случайностью, как считает академик А.Н. Яковлев. Но отношение к произошедшему очень быстро раскололо страну. И большевикам необходимо было удержать контроль над теми, кто их не принял. Добиться этого было не просто, весь набор методов и приемов предстоит еще внимательно изучить и проанализировать, поскольку на протяжении семи десятилетий весь этот процесс описывался совсем с иных позиций.

Подходя к проблеме достаточно схематично, я бы выделил в этом контексте несколько важных обстоятельств. Прежде всего будущая власть провозгласила привлекательные и понятные лозунги, гарантируя всем мир, землю, фабрики... Хотя еще в начале 1917 г. призыв к миру и поражению своего правительства в войне привлекал небольшую часть деморализованных люмпенов, за 10 месяцев непрерывной пропаганды настроение людей удалось переломить. (Через неделю после приезда Ленина из Швейцарии в Россию большевики начали издавать 250 новых газет. Нетрудно догадаться, на чьи деньги это делалось.) Так что, представив себе общественное настроение тех времен, нетрудно понять, кто вошел в ряды красноармейцев и краснофлотцев.

Другой фактор, несомненно содействовавший удержанию власти, — прямая социальная демагогия, апелляция к низменным человеческим чувствам. Призыв экспроприировать экспроприаторов, переведенный для простоты на русский как — «Грабь награбленное», привлек в революционную массу активных сторонников. Я уж не говорю о декрете, отменившем сухой закон. В следующие после Октября месяцы, годы и десятилетия, по мере усиления контроля над рычагами управления, по мере укрепления нового чиновничьего класса и осознания себя действительными, реальными хозяевами огромного государства с его несметными сокровищами, ленинцы, не колеблясь, и от обещаний отказывались, и лозунги регулярно меняли. Никакие фабрики рабочие не получили, а крестьяне, взявшие землю, вскоре об этом горько пожалели. Тем временем власть становилась все более монолитной и сплоченной.

Активисты октябрьских событий 1917 г. и в страшном сне не могли представить то, что произойдет в 1930-х годах. Если бы стране сразу пообещали ГУ-ЛАГ, голод и уничтожение церкви, шансы ленинцев были бы равны нулю. Внутри слоя, оказавшегося непосредственно во власти, также шел сложный процесс размежеваний и дифференциации. Постепенно разочаровываясь в происходящем, часть партийцев пыталась создавать внутри ВКП(б) альтернативные группы, оппозиционные объединения, платформы, стремилась организовать свободную дискуссию.

Поэтому в конце 1930-х годов Сталину пришлось вести борьбу на уничтожение с инакомыслящими внутри самой правящей партии. Больше половины (по другим данным, более 70 %) делегатов проходившего в январе-феврале 1934 г. XVII Съезда ВКП(б) были затем репрессированы и физически уничтожены. К 1940 г. в компартии практически не осталось никого из тех, кто вступал в нее в годы революции и Гражданской войны. Установители новой власти были репрессированы и уничтожены своими преемниками. (Похожие процессы, но без физических репрессий, происходили во времена перестройки и демократизации. Многие участники и активисты демократического движения 1986—1991 гг. либо не пошли во власть, либо, придя туда, в скором времени оказались для нее лишними и не нужными. Теплые места заняли совсем другие люди.)

Анализируя причины укрепления новой власти, необходимо учитывать специфику организационного устройства советской компартии, которая, среди прочего, отличалась от нормальной политической партии особой жесткостью. В КПСС трудно было вступить и невозможно свободно, без последствий выйти. Провозглашенный в уставе принцип демократического централизма на практике означал абсолютный централизм без демократии. Рядовые партийцы были полностью подчинены правящему номенклатурному слою, а тот, в свою очередь, жестко зависел от состоящей из 10—15 человек высшей руководящей группы. Все было устроено таким образом, что воля вождя легко транслировалась партийной массе, формально являвшейся авангардом всего четвертьмиллиардного население страны.

Важным приемом из большевистского арсенала, служащего сохранению власти, был механизм гласных, официальных запретов и ограничений. Иначе говоря, власть открыто опиралась на силу. В считанные дни и часы после октябрьских событий были запрещены и прекратили существование оппозиционные газеты. Была введена цензура, полностью низвергнутая перед этим февральской революцией. Несогласные с РСДРП(б) партии, а ими, как очень быстро выяснилось, оказались все остальные российские партии, лишились возможности функционировать легально.

Между тем новые высшие руководители РКП, хорошо ориентировавшиеся в ситуации, понимали, что всю Россию зомбировать невозможно. Поэтому самым важным фактором удержания власти с самого начала стало насилие. Характерное наблюдение находим у писателя В. Солоухина. Правда, он не указывает источник приводимых сведений, а я нигде более с таким материалом не сталкивался. Тем не менее свидетельства писателя представляются достаточно вероятными. В книге «При свете дня» В. Солоухин пишет, что к лету 1918 г. для Ленина стало очевидно — Россия не принимает его программы и тогда вождь начал обдумывать план бегства из страны. Положение Ленина и всей правящей группы действительно не раз и не два оказывалось висящим на волоске, никакой фатальной предзаданности сохранения власти большевиков, конечно же, не существовало. Узнав о планах вождя, к нему пришли Троцкий и Свердлов, вместе они нашли выход — было принято решение о переходе к массовому красному террору [Солоухин 1992].

Сам Ленин прямо и открыто писал о роли насилия в управлении Советским государством. Созданный большевиками новый государственный строй они назвали диктатурой пролетариата. Такую диктатуру Ленин определял как власть «... ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся» [Ленин 1926—1933, с. 383]. Чтобы лучше понять, чем отличалась старая и новая власть, сопоставим два факта. В 1887 г. группа народовольцев совершила неудачное покушение на императора Александра III. Власти провели расследование, судебное разбирательство, и пять человек, чья вина была доказана, приговорили к смертной казни... В 1918 г. в Петрограде был убит начальник местной ЧК Урицкий. В ответ на это в течение трех суток по всем городам и весям без суда и следствия были схвачены и расстреляны 10 000 человек.

Советский проект как декларирование коммунистической идеи

Что такое коммунистическая идея?

Описав происходившее после 1917 г. как глубокий «разрыв с переворотом», а точнее — революционный переворот с разрывом — мы приходим к новой проблеме. Если старые ценности столь радикально отбрасывались, что же было помещено на опустевший пьедестал? Ведь общество, как и природа, не терпит пустоты, и страна в целом не может сохранять себя без серьезной сплачивающей идеи. Новая власть не могла заниматься только отрицанием, ей требовалось какое-то оправдание и обоснование своих действий. Ворвавшись в правительственные кабинеты с помощью вооруженного восстания, отбросив все существовавшие до того правила и нормы, революционеры не могли оправдать свои действия существующими законами, не могли сослаться на конституцию или итоги выборов. Захват власти невозможно было оправдать ссылками на какие-то более общие основания — например, на защиту народных традиций. Никак не подходила и апелляция к принятым и усвоенным в прежней России социально-политическим правилам — монархии, Временного правительства, против которых РСДРП призывала бороться. Большевики нуждались в принципиально новых идеях, и эти идеи были у них изначально, причем не какие-то кустарные, доморощенные. В дело пошли весьма серьезные, признанные, значимые, получившие распространение в Европе и за ее пределами тезисы об исторической роли пролетариата, о борьбе с эксплуататорами, о всеобщем равенстве и свободе от наживы. Лозунги эффектно адаптировались к российской специфике: хлеб — голодным, мир — хижинам, война — дворцам и т. д. Все вместе это составляло основу русской коммунистической идеи и выглядело вполне убедительно и привлекательно. Впрочем, почти с самого начала русская версия коммунизма предполагала необходимость насилия над «классовым врагом». Причем принцип насилия трактовался так широко, что в 1930-х годах врагом народа, по словам А. Солженицына, оказался сам народ. Итак, на месте русской идеи вскоре была возведена коммунистическая идея и некая коммунистическая идеология. Определим сначала более точно, что называют коммунистической идеей. Значение этого понятия постоянно раскрывали не только специальные партийные документы, но и все советские газеты, журналы, а также телевидение, радио и кино. И хотя на протяжении семи десятилетий декларировавшаяся цель и смысл существования советского государства — коммунистическая идея — несколько изменялась и модернизировалась, никаких принципиальных ее переосмыслений не происходило. В третьей и последней программе КПСС, принятой XXII съездом в 1961 г., она сформулирована наиболее кратко и сводится к следующему — «коммунизм утверждает на земле мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье всех народов».

Некоторую эволюцию представлений о коммунистической идее можно выявить, анализируя, как в советском искусстве из десятилетия в десятилетие менялись образы вождей — Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, а также выясняя, как менялись акценты внутри могучей четверки. Если в первой редак-

ции картины М. Ромма «Ленин в 1918 году», вышедшей на экраны за два года до начала Великой Отечественной войны, вождь неоднократно призывает «расстрелять врага», то в более поздних редакциях того же фильма эти фразы вырезаны. В художественных произведениях 1930-х годов Ленин предстает не просто сторонником жесточайших мер, он безжалостно критикует тех своих сторонников, которые проявляют нездоровую сдержанность в борьбе с врагом. (В 1921 г., после победы в Крыму над армией Врангеля, большевистский вождь Л. Троцкий потребовал расстрелять 40 000 белых офицеров. Все они добровольно сдались в плен под честное слово М. Фрунзе, обещавшего сохранить им жизнь. И все эти люди не в кино, а в действительности были расстреляны.)

Во время Отечественной войны советское искусство, в соответствии с указаниями действующего вождя, совершило резкий маневр в сторону патриотизма. Первым образы Родины и Сталина объединил А. Толстой. Провозглашая тост на юбилее генсека в 1939 г., он оставил в подарок потомкам чеканную формулу «За Родину! За Сталина!», затем многократно растиражированную. На киноэкранах вождь стал появляться, как правило, вовсе не с Лениным, а в том или ином сочетании с Суворовым, Кутузовым, Нахимовым и даже с Александром Невским.

В трудные послевоенные годы коммунизм изображался как воплощение вечной мечты о достатке и изобилии. В годы хрущевской «оттепели» был создан новый миф — о хорошем дедушке Ленине и очень, очень плохом Сталине. Ленин превратился в «самого человеческого человека», стал символом гуманизма, правда, гуманизм мог быть только «подлинным и социалистическим». В брежневский застой коммунизм в первую очередь означал борьбу за мир, против военной угрозы. Тогда же друзей Москвы, «борцов за мир» стали ежегодно награждать «международной ленинской премией». В период перестройки образ Ленина снова меняется. В театрах ставится новая пьеса М. Шатрова с характерным названием «Диктатура совести». В ней Ленин и его соратники изображались как абсолютно честные, порядочные люди, утверждающие общечеловеческую мораль и справедливость. Вождь партии предстал перед зрителем как настоящий новый Христос. (Правда, М. Шатров не отвечал на вопрос — зачем же в таком случае большевики уничтожали церковь?) Важной особенностью всех вариаций было то, что при любых модификациях Ленин оставался «вечно живым».

Итак, в разные периоды советской государственности коммунистическая идея и ее глашатаи трактовались несколько по-разному, при этом почти всегда представляя собой набор наиболее значимых, общепризнанных, высоких ценностей. Этот букет представлял собой компиляцию из Библии и Маркса, дополненную лозунгами политико-прагматического характера. (К примеру, норма из «морального кодекса строителя коммунизма» — «Кто не работает, тот не ест» на самом деле есть слова из новозаветного послания апостола Павла коринфянам.) Коммунистическая идея изображалась достаточно привлекательно и в принципе могла успешно пропагандироваться как внутри страны, так и за рубежом.

Советский проект как реализация коммунистической идеологии

Что такое коммунистическая идеология?

Раскрыв любую советскую газету, вы встретите многократное повторение термина «коммунистическая идеология», при этом вы никогда не увидите раскрытие его содержания. Ссылки газет на статьи и речи Ленина тоже были постоянными, но книги Ленина желающий мог прочитать, а книги под названием «Коммунистическая идеология» не было ни в одной библиотеке. Правда, какие-то «идеологические отблески» можно отыскать в советских учебниках по историческому материализму, в словарях и энциклопедиях, но все эти краткие ответы оказываются крайне невнятными, замутненными и маловразумительными. Например, в «Философском словаре», изданном в Москве в 1980 г., мы находим: «идеология — система взглядов и идей: (вот спасибо!) политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских» [Философский словарь 1980, с. 123]. Дальше говорится про надстройку, научность и ненаучность и прочую дребедень. Что-то действительно понять про «комидеологию» из этих дефиниций совершенно невозможно.

Если за разъяснением обратиться к классикам нового учения, интрига еще больше обострится, поскольку именно К. Марксу принадлежит работа «Немецкая идеология», впервые изданная в СССР в 1956 г., в которой он показывает, что всякая идеология есть искаженная, деформированная картина реальности. Что же до термина «коммунистическая идеология», таковой никогда не употреблялся ни автором «Капитала», ни его единомышленником Ф. Энгельсом и был им абсолютно неведом.

Стремясь избавиться от гнетущего невежества, найдя странный ответ у якобы самого создателя «комидеологии», я обратился к трудам ведущего западного специалиста по проблеме идеологии, немецкого философа К. Манхейма. Внимательно перечитав его работу «Идеология и утопия», я сделал из нее всего одну выписку: «В каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы "интеллигенцией"» [Манхейм 1994, с. 15]. Сказано точно, но это ответ не на наш вопрос. Внимательно изучив еще 300 страниц текста, я с сожалением констатировал, что и на сей раз практически ничего про коммунистическую идеологию не узнал или, точнее, узнал то, чего не ожидал. Стало понятно, что идеология вообще и советская коммунистическая идеология — это очень разные, не совпадающие феномены.

Тогда я решил поискать работы западных авторов, написанные специально о коммунистической идеологии. Книга А. Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма» вышла в Москве в 1998 г., через год после публикации во Франции. Ее первая глава так и называется «Идеология». Увы, убедительного ответа я не нашел и здесь, хотя разные удачные наблюдения и характеристики у А. Безансона встречаются. Специфика «комидеологии» хорошо схвачена, например, в таком тезисе: «Идеология — это форма верования, в котором больше нет ничего

религиозного, и она всеми силами отрицает, что она является верованием» [Безансон 1998, с. 26].

В постперестроечное время я иногда оказывался на встречах и конференциях, где присутствовали также главные идеологи компартии последних лет. Люди, прежде абсолютно недоступные, оказывались рядом со мной. Пользуясь случаем, я всегда задавал им один и тот же вопрос — что такое коммунистическая идеология?

21 февраля 2002 г. в Санкт-Петербурге проходил гражданский форум. На нем присутствовал бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии В.А. Медведев. В ответ на мой вопрос Вадим Андреевич иронично улыбнулся, пожал мне руку и ответил «Игорь, я занимался только идеологией перестройки». Несмотря на мои настойчивые просьбы, добавить к сказанному он ничего не захотел.

28 ноября 2003 г. на презентации книги А.Н. Яковлева «Свобода — моя религия» в Центральном доме литераторов в Москве на мой традиционный вопрос бывший член Политбюро ЦК КПСС ответил без запинок «Нетерпимость! Это нетерпимость». А потом добавил: «Нам нужно вырваться из 1000-летнего рабства».

5 января 2004 г. в посольстве Швейцарии в Москве проходил неформальный музыкальный вечер, где присутствовал М.С. Горбачев. Когда начался фуршет, я подошел к Михаилу Сергеевичу, чтобы и ему задать свой вопрос, но начал издали. Напомнил, как в апреле 1990 г. за создание Демократической платформы в КПСС я был по команде из Политбюро исключен из партии, а спустя 10 лет, вместе с приехавшим к нам на годовщину Горбачевым, отмечал демплатформовский юбилей... Наконец, добрался и до главного вопроса. «Да вы сами все знаете и в книжках пишете, — стал уходить от ответа бывший генсек. Но потом все-таки согласился пояснить. «Комидеология — это попытка превзойти даже религию, исключить все другие точки зрения и позиции», — сказал Михаил Сергеевич и дальше продолжал развивать и растолковывать эту мысль.

По правде говоря, ко времени этих бесед у меня уже был ответ на ключевой вопрос... В СССР специально и сознательно создавался разрыв между официальной картиной действительности и самой этой действительностью, между жизнью и ее идеологической моделью. Картина жизни, представленная коммунистической идеологией, всегда соответствовала коммунистической идее, а сама жизнь ей противоречила! Теперь можно, наконец, понять, чем занималась огромная армия идеологов от соответствующего отдела ЦК и курирующего его секретаря ЦК, через ЦК всех союзных республик, через идеологические отделы обкомов, горкомов и райкомов партии (плюс те же отделы в комсомоле) до секретарей парткомов и цеховых секретарей всех предприятий и учреждений.

Коммунистическая идеология — это искажение подлинной картины реальных социальных процессов через полное утаивание от общества информации, через ее искажение с целью поддержания мифа о строительстве коммунизма. Коммунистический миф, в свою очередь, был необходим как главный фактор легитимации и сохранения существующей власти.

«Комидеология» — это фактически самая широкая и всеобъемлющая государственная цензура. Можно еще уточнить: «комидеология» — это совокупность тайных, никогда не объявлявшихся обществу принципов и методов, в соответствии с которыми цензурируется весь доступный высшей власти

Советский социализм — неисследованное

информационный поток, а также результат такого цензурирования, т. е. сама препарированная информация. Поясню еще раз, «комидеология» — это тайные принципы искажения информации, а также сама информационная картина, являющаяся результатом такой обработки.

Итак, с помощью огромной идеологической машины, вся циркулирующая в стране информация оказывалась под полным контролем государства. О том, как именно этот контроль осуществлялся, я расскажу коротко. (Люди постарше вряд ли об этом забыли, но нынешние среднее и младшее поколения, как правило, не имеют никакого представления о «комидеологии».)

Поставленные властями цели достигались несколькими способами. Весь информационный поток, направляемый в страну из-за рубежа, немедленно пресекался. Система радиоглушения лишала возможности нормально слушать западные радиостанции, на западные газеты подписаться было нельзя, и внутри страны они не продавались (за исключением нескольких столичных гостиниц). Переписка с Западом фактически пресекалась. Причем само существование системы информационного контроля (кроме глушения) власти не признавали. Вспоминаю в этой связи историю одного хитроумного француза, который постоянно отправлял на московские адреса заказные письма антисоветского содержания с уведомлением о вручении. Письма, разумеется, не доходили до адресата, уведомление не возвращалось во Францию, и отсылавший регулярно получал хорошую финансовую компенсацию за пропажу отправлений от Международной организации почтовой связи, в которую входила и советская почта.

Не менее жестко, чем внешняя, контролировалась информация и внутри страны. Любой текст перед печатанием в типографии проходил цензуру, которая официально не существовала и называлась Главлитом (полное наименование этой организации, имевшей хорошо разветвленную структуру, звучало так: «Комитет по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР»). В советских газетах, журналах, в книгах в выходных данных почти всегда указывался не только тираж, объем, здесь ставилась также буква и рядом с ней непонятные 5 цифр (например Л-73771). Это и есть цензорный знак (в СССР не было периода без цензуры, но был период, когда сам знак не ставился). Абсолютная цензурируемость советских СМИ приводила к тому, что страна жила с отставанием на сутки от всего остального мира. Кое-что из того, что *они* из выпусков новостей знали сегодня, *мы* узнавали только завтра.

Идеологическая обработка происходила повсеместно; на улицах вывешивались соответствующие плакаты и лозунги. Все трудящиеся (не только члены партии) должны были проходить через систему партийно-политической учебы и регулярно повышали свой «идейно-политический уровень» по месту работы, а иногда и с отрывом от производства. Каждый работник был обязан усвоить официальную трактовку происходящих в стране и за рубежом событий. В канун и во время советских праздников, юбилеев (100-летие Ленина, 50-летие Октября и т. д.) идеологическая обработка резко усиливалась.

Индивидуальные поездки за рубеж практически не существовали, разрешались только поездки в составе группы, где был соответствующий руководитель. Для вхождения в такую группу требовалась прежде всего не виза другого государства, а виза-разрешение советской госбезопасности — на право выезда из своей страны. Для этого надо было иметь не только соответствующую биогра-

фию, положительную характеристику с места работы, но и пройти через гласный контроль-собеседование партийных органов и негласный контроль органов КГБ. Несмотря на все эти меры, количество невозвращенцев и перебежчиков постоянно увеличивалось.

Описывать все ветви огромного идеологического древа — дело долгое, но не могу не сказать об особой сфере деятельности — о людях творческих профессий. Здесь контроль властей носил особо тяжелый, драматический, а иногда и просто трагический характер. Всякая написанная художником картина, чтобы быть выставленной в галерее, должна была получить визу «выставкома», пьеса, чтобы быть поставленной в театре, а затем чтобы быть включенной в репертуар, должна была иметь разрешение «реперткомом». Аналогичный механизм существовал в отношении музыки, кино, литературы и т. д. Чтобы режиссер мог начать съемку фильма — запустить его в производство — требовалось пройти 14 цензурных инстанций, чтобы законченная картина вышла в прокат, необходимо было получить еще 7 цензурных разрешений. Не должно удивлять, но и не должно быть никогда забыто, что В. Высоцкий за свою творческую жизнь ни разу не выступил под отпечатанную афишу, зато посмертно, в разгар перестройки был награжден «ленинской?!? премией». В. Шукшин так и не снял свой главный, задуманный за 10 лет до кончины фильм «Я пришел дать вам волю». Сколько книг не было написано, сколько рукописей сгорело, сколько спектаклей не поставлено, сколько кинокартин оставалось на полках. Сколько живых, творческих судеб было искромсано идеологической мясорубкой!

Продолжительное использование «комидеологии» привело к тому, что в 1970—1980-х годах стало уже просто невозможно выступать на телевидении, печататься в газете и при этом говорить своим голосом, высказывать свое собственное мнение. Важнейшей проблемой, порожденной введением «комидеологии», стала проблема свободы, прежде всего свободы слова. Свободную человеческую мысль сжимали страшные идеологические тиски. Одновременно «комидеология» была своеобразной «фабрикой грез», заменявшей и приукрашивающей реальность. Не религия, а «комидеология» была духовным опиумом для народа. Духовные потребности, не удовлетворяемые в реальной жизни, суррогатно компенсировались через теле- и кинопрограммы. Причем чем меньше действительность походила на ее идеологическую модель, тем активней и интенсивней становилась идеологическая работа, или, точнее, обработка населения.

Во всех крупных библиотеках существовал тайный отдел, так называемый спецхран, в который не допускались обычные читатели. Здесь находилась свободная западная, «самиздатская» и «тамиздатская» литература и здесь должны были «оттачивать» свое мастерство идеологи разного уровня. В результате свободно высказываться, писать, творить в СССР стало фактически невозможно. Через игольное ушко цензуры удавалось, не запятнав себя, пройти лишь тем, кто в совершенстве овладевал эзоповым языком, кому удавалось объясняться намеками.

«Комидеология» была в СССР главным нормообразующим институтом. Потому и самым страшным преступлением в Советском Союзе были не какие-нибудь банальные убийства, грабежи или изнасилования. Самыми страшными были попытки преодоления цензуры, инакомыслие, диссидентство и самиздат, т. е. внецензурное, свободное представление своих воззрений.

Советский социализм - неисследованное

Слово «диссидент», т. е. человек, не согласный с коммунистической идеологией, вошло в советский лексикон в начале 1970-х годов, но люди, негативно относящиеся к происходившим в стране изменениям, заявили о себе сразу, как только эти изменения начались. Власти с самого начала понимали, что воздействие на информацию, любое ее искажение, запрещение, подтасовывание не может стать абсолютной гарантией лояльности общества. Поэтому одновременно с созданием коммунистической идеологии в узком смысле, т. е. устройства по препарированию информации, была создана идеологическая система в широком смысле — аппарат воздействия непосредственно на людей. Всех, кто мог оказаться опасным для новой власти, тем более реально ей противодействовал, ждала разветвленная система предупреждений, наказаний и санкций — от выговора, исключения из партии, понижения по службе, увольнения до отправки в ГУЛАГ (Главное управление лагерей) на принудительные работы без права переписки и с высшей мерой наказания. Система ГУЛАГа описана А.И. Солженицыным в его запрещенном в СССР и переведенном на десятки языков мира исследовании «Архипелаг ГУЛАГ». Между тем далеко не все страницы этой трагической части советской истории перевернуты. Известна официальная цифра погибших в Великой Отечественной войне — Советский Союз потерял 27 млн человек. Количество погибших в результате ленинско-сталинских репрессий до сих пор официально не названо, хотя, по оценкам демографов, историков и других специалистов, оно превышает количество погибших в войну. Сколько людей вообще пострадало от незаконных репрессий — не известно даже приблизительно. Работавшая более 10 лет государственная Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при президенте СССР, а затем — при президенте РФ во главе с неизменно возглавлявшим ее А. Яковлевым, подобные отчеты не представила.

Подытоживая, можно сказать, что в широком смысле слова идеологическую работу, сознавая или даже не сознавая это, выполняли миллионы людей, среди них — пограничники и «глушилщики», октябрятские вожатые и газетные редакторы, сочинители песен и охранники ГУЛАГа. И все это делалось ради настоящего напоминания альтернативы: веришь в советский коммунизм — будешь достойным обитателем «соцлагеря», не хочешь верить — отправляйся в лагерь исправительный. Вся эта огромная, многоуровневая, все пронизывающая скрыто-открытая разветвленная система существовала как добавление к коммунистической идее, ее и следует называть коммунистической идеологией.

Рассуждая об идеологии, советские учебники совершенно справедливо отмечали, что господствующая идеология — это воля господствующего класса, возведенная в закон. Спрашивается, кому была нужна мифологизированная, абсолютистская картина мира, согласно которой «там» все умирало и загнивало, а «тут» все было самым передовым и прогрессивным? В сохранении «комидеологии» была кровно заинтересована реальная власть, никогда не называвшая себя вслух по имени — «партгосноменклатура».

Созданная «комидеологией» модель делала власть правящего класса абсолютной и неприкасаемой. Ему она и была нужна. Власть была сконструирована таким образом, что требовалось ее непрерывно восхвалять. Сколько-нибудь серьезный и объективный разбор ее природы, критика ее основ или просто критика власти становилась не просто невозможной, она объявлялась антисоветским преступлением. Ведь критиковать самое передовое могут только заклятые

враги трудового народа, по отношению к которым Ленин призывал быть абсолютно безжалостным! Собственно говоря, по официальной «комидеологической» версии никакой специфической власти вообще не было, был просто «авангард рабочего класса и колхозного крестьянства». Таким образом, система замыкалась, постоянно воспроизводя самое себя.

Вопрос об устройстве и функционировании «партгосноменклатуры» — это отдельная большая тема, исследование которой, кроме М. Восленского, у нас почти не проводили. Приведу здесь только самые краткие выводы из его работы. Номенклатура — ограниченный круг руководящих чиновников — имела свое специфическое строение. Высшее руководство, например Политбюро, утверждало список руководителей следующего уровня, которых оно назначало. Этот второй уровень начальников подбирал и назначал свой слой чиновников более низкого ранга и т. д. Правила назначения, перемещения, повышения по службе никак не зависели от тех, кем руководят. Все определял тот, кто руководит. Главным достоинством чиновника были не профессионализм и квалификация, а его преданность вышестоящему боссу.

Провалив работу на своем посту (ведь указания сверху были в интересах верха, а не в интересах народа и государства), номенклатурщик не мог быть снят, его перемещали на другой пост в другом регионе страны, часто с повышением. Главным стимулом чиновника к выполнению вышестоящих указаний была тайная, строго ранжированная система привилегий, которая делала жизнь властителей совершенно непохожей на жизнь обычных советских людей. Попав в эту систему и вкусив ее прелести, номенклатурщик оказывался абсолютно деморализованным, не способным говорить правду, принимать эффективные решения. Самым страшным для него было выпасть из системы и лишиться льгот. Аналогии здесь просматриваются не только с Киевской Русью, но, увы, и с современностью, с Россией постсоветской. По данным Восленского, численность советской номенклатуры составляла приблизительно 2 млн человек.

Почему коммунистическая идеология — это ложь

Мы выпустили массу критических стрел в адрес «комидеологии». Однако наш воображаемый оппонент может возразить, что все это больше напоминает житейские рассуждения, чем научный аргументированный анализ. Да и существуют ли объективные основания для того, чтобы считать эту идеологию несостоятельной? А может быть, мы действительно «...впервые в мире» шли «...по непроторенным маршрутам», «но враги клеветали», «а прогрессивное человечество», несмотря на «временные трудности», приближалось-таки к заветной цели? Давайте разберемся в этом философски беспристрастно. Прежде всего, я предлагаю вступить в дискуссию честным и принципиальным оппонентам.

Главный тезис «комидеологии» состоял в том, что победа коммунизма объявлялась неизбежной, причем во всемирном масштабе. (На самом деле, увы, мы являемся свидетелями всемирного поражения коммунизма.) Что же касается нашей страны, то здесь, как утверждалось, одерживая одну победу за другой, уверенной поступью наступал социализм. За семьдесят лет о построении социализма официально объявлялось трижды. В марте 1939 г. в Москве прошел

Советский социализм — неисследованное

XVIII съезд ВКП(б). Его делегаты подвели итоги 2-й пятилетки и отметили, что социализм у нас в основном построен. Утвердив 3-й пятилетний план, съезд констатировал вступление страны в полосу завершения социалистического строительства. Несколько раньше, в декабре 1936 г. (в разгар проводимых НКВД репрессий), была принята сталинская конституция, провозгласившая СССР социалистическим государством. Через 20 лет, в конце 1950-х годов, руководство партии объявило, что социализм у нас победил полностью и окончательно. А еще через десять лет генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев опубликовал статью, в которой делился с читателями выводом о построении в СССР развитого социалистического общества. Задолго до написания этой статьи, в речи на III съезде комсомола Ленин обещал построить коммунизм в 1930—1940-х годах, но заявление лидера большевиков никогда не комментировалось партийным руководством, зато в 1961 г. очередной съезд загодя объявил 1980 г. временем построения коммунизма в СССР. Впрочем, серьезные трудности и неясности возникли задолго до объявленной даты.

Несмотря на все цитировавшиеся документы и заявления, можно утверждать, что ни коммунизм, ни социализм (развитой или неразвитой) в Советском Союзе построены не были и что «комидеологи», как им и было положено, занимались мистификацией. Чтобы это доказать, необходимо разобраться еще в одном запутанном вопросе — что же такое социализм. Дело в том, что как его критики, так и сторонники понимают социализм по-разному. Известный антисоциалистический теоретик и Нобелевский лауреат, австрийский профессор Ф. Хайек пишет, что социализм — это прежде всего плановая, управляемая государством экономика и отсутствие рынка. [Хайек 1983]. Лидер КПРФ, доктор философских наук Г. Зюганов считает, что социализм — это коллективизм, а поскольку в России испокон веков существовала община, значит, не только мы, но и наши предки были социалистами. Можно привести и другие соображения.

Между тем, согласно К. Марксу, создателю коммунистической теории, самая важная черта социализма заключается в следующем. Все предшествовавшие коммунизму формации — рабовладение, феодализм, капитализм — построены на эксплуатации человека человеком. Иначе говоря, рабовладелец, как и феодал, и капиталист, присваивает себе часть продуктов, произведенных подвластным классом. Эксплуатируемые соответственно недополучают часть того, что сами производят. А вот социализм, согласно Марксу, есть первая в истории человечества формация, утверждающая социальную справедливость. При социализме нет враждебных классов, и потому никто не может использовать продукты чужого труда. Именно этот принцип вызывал огромную симпатию трудящихся разных стран.

Л. Троцкий, главный соратник и единомышленник Ленина, изгнанный Сталиным из страны, в 1936 г. опубликовал книгу «Преданная революция», которую принято считать его главной теоретической работой. В этом исследовании Троцкий на основании имевшейся у него статистики и других источников, пожалуй, впервые показал, что эксплуатация в Советском Союзе существует. Позднее, уже в 1980-х годах, некоторые диссиденты-экономисты в СССР и других социалистических странах выявили, что эксплуатация здесь не просто существует, ее уровень оказался заметно выше, чем в так называемых странах капитала. Существовал и класс, который присваивал чужой труд. Югославский ученый М. Джилас и уже упоминавшийся эмигрировавший из Советского Союза

профессор М. Восленский подробно исследовали и описали этот класс, который теперь принято называть номенклатурой. Несмотря на то что публикация подобных исследований и даже ссылка на них в советское время была категорически запрещена, общество и без того правильно ориентировалось в происходящих процессах.

Современная европейская социал-демократия, а социалисты находились или находятся у власти почти во всех странах Западной Европы, подходит к определению интересующего нас понятия несколько иначе. Социнтерн согласен с тем, что отказ от эксплуатации представляется весьма привлекательным, но на практике он едва ли достижим. Коллективная собственность, отказ от эксплуатации, справедливое распределение заработанного возможны в рамках отдельных предприятий и производственных коллективов (так происходит в израильских кибуцах, в испанском кооперативе Мандрагона и т. д.).

Но создать целое государство без эксплуатации едва ли кому удастся, считают современные социалисты. Поэтому, не отказываясь от замечательной идеи, они стремятся к ее реализации другими способами. Справедливость государственного устройства регулируется через справедливые налоги и многочисленные социальные программы. Считается, что правильная налоговая шкала должна иметь нарастающий характер: выше доходы — выше налоги. Те, кто нуждается в помощи — инвалиды, старики, многодетные семьи, молодежь — могут рассчитывать на поддержку государства. Все эти социально-политические программы осуществляются европейскими социалистами многие десятилетия. Характерно, что в богатом Евросоюзе численность миллиардеров не велика, к тому же она сокращается. Зато много миллиардеров имеется в США и их число возрастает в современной России, где, по официальным данным, треть населения находится за чертой бедности.

Тем не менее некоторые исследователи делают вывод, что в СССР все-таки существовал социализм, ведь кроме зарплаты, люди получали поддержку из так называемых общественных фондов потребления. Бесплатное обучение дополняло бесплатное здравоохранение, жилье также большинство граждан получало совершенно бесплатно.

В действительности в плане социальных гарантий СССР только на первый взгляд близок к обществу справедливости. Если высчитать зарплату граждан с поправкой на упомянутые льготы, окажется, что СССР и здесь был уникален. Дело в том, что Советское государство в первую очередь помогало богатым, а не бедным. Например, в 1970-х годах бюджет обслуживавшего только высший слой номенклатуры 4-го главного управления Минздрава СССР равнялся половине всего бюджета этого министерства. А как было с жильем? Токарь Петров мог стоять в очереди на квартиру всю свою жизнь, а секретарь обкома Степанов получал ее сразу, в лучшем доме и в лучшем районе. То же происходило с льготными путевками, возможностью обучения в престижных вузах, работой за рубежом и т. д. Дефицитные товары, продукты без ограничений, да еще и по льготным ценам номенклатура получала в закрытых распределителях. Потребности обычных трудящихся обеспечивались на самом низком и некачественном уровне.

Все эти рассуждения могут совсем запутать читателя — где социализм был и где его не было? Какое понимание этого термина правильное, а какое нет и вообще, социалисты — это что-то положительное или отрицательное? Терминологическая каша, понятийный винегрет присутствует во всей нашей периодике,

Советский социализм — неисследованное

публицистике и даже в научной литературе. Невозможно вести сколько-нибудь серьезное обсуждение вопроса, если в исходные термины вкладывается разный, тем более противоположный смысл. На сегодняшний день понятие «социализм» сделалось слишком многозначным. Кроме вышеназванных, говорят еще о русском, арабском, кампучийском социализме и т. д. Я убежден, что ситуацию необходимо и можно прояснить, а для этого полезно выделить три основных значения термина.

1. **Марксов социализм** с преодолением эксплуатации и отчуждения, с особой ролью пролетариата и с социальной справедливостью, социализм и коммунизм как начало подлинной истории человечества, как выход из предыстории — это понятие чисто теоретическое и гипотетическое, в полном объеме никогда и нигде не реализовывавшееся. Трудно спорить с тем, что в начале XXI в. принцип «каждому по потребности» воспринимается как утопический, но ведь история еще не закончилась. Добавлю, что сама по себе разработанная Марксом и его предшественниками коммунистическая идея может быть оценена вместе с христианской, гуманистической идеями как самый светлый проект, как самая замечательная утопия, порожденная человеческим разумом.

2. **Социализм европейской социал-демократии**, социализм В. Брандта и У. Пальме представляет собой честную попытку реализовать абстрактный замысел. Стремление к социальной справедливости, перераспределение доходов очень привлекательны, хотя они непременно порождают негативно-проблемный момент. Они всегда ведут к росту бюрократии, на долю которой и выпадает учет и перераспределение доходов. Но если бюрократия находится под надежным общественным контролем, можно говорить об удачном воплощении замысла и о втором типе социализма.

3. **Социализм Советского Союза и социалистических стран** лишь по названию напоминает утопию Маркса. Миф о строительстве социализма в СССР — самая большая мистификация XX в. На практике мы имели дело с номенклатурно-тоталитарным государством, вталкивавшим своих подданных в жесткие рамки коммунистической идеологической цензуры. Ответственность за происходившее в первую очередь несет власть, хотя в целом решение проблемы ответственности очень непростое. Кроме того, для полноты картины надо иметь в виду, что даже чисто лозунговая ориентация на великие идеи имела отдельные позитивные последствия, некоторые из которых мы еще будем обсуждать.

С учетом сказанного, полезно немного отступить от жесткой логики поведения и сделать некоторые промежуточные выводы. После радикальных властных перестановок, кульминация которых пришла на 1991 г., общество, приученное советским руководством к формулированию целей движения, долгое время ждало ответа на вопрос — куда мы теперь идем? По сей день ни менявшиеся главы нашего государства и правительства, ни другие высшие руководители ни разу на этот вопрос не ответили. Такое положение не является результатом случайного недосмотра. Ответ на этот вопрос оказывается крайне затруднительным не в научно-теоретическом, а в конкретно-политическом контексте. Если объявить, что мы идем к капитализму, всякий обучавшийся в советском вузе спросит — а зачем же идти от социализма к капитализму? Если объявить, что мы идем к социализму, возникает еще более недоуменный вопрос — зачем же идти от социализма к социализму?

Корень проблемы на самом деле глубже, трудность связана не с ответом на вопрос, куда мы идем, а с ответом на вопрос, откуда мы идем. Если признать, что никакого социализма в СССР никогда не было, возникает множество разноплановых следствий. Это Петровские реформы, как бы дорого они ни стоили, проводились во имя России. А ради чего разрушалась историческая Россия, зачем уничтожалась церковь, ради чего миллионы отправлялись в ГУЛАГ, репрессировались народы, создавался мировой социалистический лагерь? Кто будет выносить юридическую оценку вселенского обмана, совершенного руководством большевиков? Очевидно, что наше общество претерпело слишком много стрессов, эмоциональных испытаний и разочарований. Ворошить ушедшее или не совсем ушедшее прошлое очень больно и неприятно. И все-таки, не нагнетая новые страсти, стоит набраться мужества и найти правильный и честный ответ, соразмерный с нынешним положением и состоянием нашего общества. Оставлять открытым вопрос о нашем будущем и нашем прошлом далее невозможно, ибо это обрекает страну на бессмысленное отставание и плутание в полумраке, это лишает возможности совершить столь необходимый России духовный и экономический прорыв.

Почему ценностная система, построенная на «комидеологии», была обречена?

Как «комидеология» эволюционировала?

Исчерпаем или неисчерпаем ресурс «комидеологии», должна ли она когда-то закончиться? Поскольку эта система правил находится за рамками морали, ответ является самоочевидным. Но ответ с позиций этики, хотя и верен, многим представляется не убедительным. Да и сама идеология — феномен многослойный, потому и ответ на поставленный вопрос должен быть более широким.

Обреченность «комидеологии» выявляется уже при обращении к фольклору. Идеология — это обман, а «у лжи короткие ноги». Оппоненты идеологов обязаны победить уже потому, что «одно слово правды весь мир перетянет». В самом деле, что получится, если пилот самолета под названием «СССР» продаст билеты до аэропорта «Коммунизм», куда мечтают попасть все пассажиры, но реально поведет машину совсем в другую сторону? Оказаться в объявленном пункте никому не удастся. Причем по ходу рейса ситуация будет непрерывно усложняться из-за того, что пилот не только не может объявить, каков реальный маршрут, он вынужден постоянно уверять, что цель становится все ближе. (Если он скажет правду, то тут же лишится штурвала — власти и всех полагающихся ему привилегий.) С какого-то времени пассажиры, подсматривающие в иллюминаторы, полностью перестают доверять информации, распространяемой экипажем, и цель, объявленная командой лайнера, оказывается недостижимой.

«Комидеология» действительно устроена таким образом, что ее приходилось постоянно углублять и расширять. Если после Октябрьского переворота были запрещены только буржуазные газеты, то в 1970-х годах запрещать приходилось и поп-музыку, и западную моду, и абстрактную живопись, и собственные

Советский социализм — неисследованное

газеты пятнадцатилетней давности. Последовательное настаивание на одном лживом тезисе постепенно ведет к утверждению абсолютной лжи, которая неизбежно разрушает самое себя. Говоря точнее, так происходит не в силу устройства «комидеологии», а в силу устройства окружающего мира, в котором действует принцип всеобщей связи.

С годами идеология в СССР все больше напоминала невероятное наркотическое зелье, а страна походила на посаженного на иглу наркомана. В 1970—1980-х годах партия принимала однообразные постановления об идеологической работе, которые начинались одними и теми же словами — «О дальнейшем углублении и расширении». Это и был знак неизлечимой болезни. Размер идеологической дозы постоянно увеличивался, приближаясь к самоубийственному, но эффект коммунистической нирваны возникал все реже. Весь вопрос был в том, когда, наконец, начнется пресловутая идеологическая ломка. Казалось, она должна была случиться в середине 1970-х годов, нет, говорили другие, подождем еще года три, нет, — еще чуть-чуть... Все жили с ощущением, что кризис наступил, просто говорить об этом пока нельзя, да и непонятно — как именно об этом говорить. Вспоминаю такую трагикомическую сцену, свидетелем которой был в 1984 г. Тогда я постоянно работал в библиотеке Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. В огромном здании института собиралось множество людей и в крайне редких, экстренных ситуациях администрация включала радиотрансляцию, чтобы все могли узнать важные новости. Сутки назад прозвучало сообщение о смерти Ю. Андропова. Все ждали, кто будет следующим генсеком. Радио транслировало итоги пленума ЦК. Сотни людей, не сговариваясь, вышли в фойе института и напряженно вслушивались в слова диктора. И когда сообщение дошло до фразы «Генеральным секретарем избран товарищ К.У. Черненко», все собравшиеся, не сговариваясь, моментально, как по команде, молча разворачиваются и возвращаются на свои рабочие места. Тогда всеобщее разочарование можно было свободно выразить только таким стихийно непреднамеренным образом.

Я кратко представил обоснование фатальности и обреченности «комидеологической» ориентации. Вообще, надо заметить, что в отличие от коммунистической идеи, которая почти не менялась, «комидеология» за время существования советского государства трансформировалась весьма основательно. Однако, поскольку само понятие «комидеология», как мы уже убедились, оставалось до недавнего времени не проясненным, еще сложнее, оказывается, изучать его историю и эволюцию.

Тем не менее мы остановимся на этой теме и, хотя бы бегло, посмотрим, как трансформировалась и адаптировалась идеологическая машина за семь советских десятилетий. В 1920—1930-х годах обстановка послевоенной конфронтации в обществе сохранялась. Борьба с «классовым врагом» не затухала, ГУЛАГ, изобретенный Лениным и основанный ЧК еще в 1920 г., продолжал разрастаться. В нашей литературе невозможно найти убедительный ответ на вопрос: зачем вообще проводились многомиллионные репрессии? Ведь красные победили в Гражданской войне, но, одержав победу, они не успокоились, а, напротив, усилили жестокую расправу с собственным народом. Ответ на этот вопрос найти трудно уже потому, что сам вопрос почти никем не ставится. Одна из немногих дискуссий на эту тему проходила в Польском культурном центре в Москве в декабре

2002 г., на презентации книги историка П. Вечоркевича «Цепь смерти». Его объемное исследование посвящено изучению чистки в Красной армии в 1937—1939 гг. Как оказалось, поляки в этих вопросах разобрались лучше, чем отечественные историки.

По мнению польских участников дискуссии, получалось, что Сталин хотел выкорчевать чуждое, вражеское влияние, чтобы теснее сплотить страну. По мнению немецкого эксперта, репрессии против маршалов — это ответ на успешное проникновение немецкой разведки в советский генералитет. Существует и такая точка зрения: поскольку Троцкий провокационно подчеркивал в открытых письмах и статьях возможности своего огромного влияния на ситуацию в СССР, поскольку он заявлял, что стоит ему пальцем пошевелить, и десятки тысяч военных встанут под его знамена, Сталин сделал все возможное, чтобы это влияние минимизировать. А.И. Солженицын высказывал мнение об абсурдности и бессмысленности репрессий. Сколько парней поднялось бы из окопа, пошло бы за тебя в атаку, ты же погубил их впустую, напрасно, обращается он в одной из своих работ с риторическим вопросом к вождю. Высказывается и такая точка зрения: ГУЛАГ — это бесплатный труд, если подходить к репрессиям чисто экономически, он оказывается для государства выгодным и оправданным. Такой аргумент имел некоторое значение, но он никогда не был главным. О том, что заключенные могут создавать новые промышленные объекты, руководство страны узнало не до начала репрессий, а уже развернув разветвленную сеть лагерей. С таким предложением к Сталину обратился Н. Френкель в начале 1930-х годов, и оно было поддержано. (В 1923—1927 гг. сам Френкель отбывал наказание по ст. 98 УК за мошенничество в отношении госсобственности.)

Если комментировать аргументы, приведенные чуть ранее, остается непонятным, о каком проникновении и влиянии вообще идет речь. Если немислимо согласиться с тем, что все пострадавшие по статьям «шпионаж», «вредительство», «диверсия» действительно были шпионами, вредителями и диверсантами, то нельзя согласиться и с тем, что репрессированные были ни в чем не виноваты. Происходила невероятная, дьявольская деятельность по искоренению русской идеи, «российскости» и ее носителей и по вбиванию новой системы ценностей, по вколачиванию в людей «советскости». Те, кто не принимал предательство собственных корней или мог их не принять, тот, кто противостоял внедрению новой идеологии, тех и отправляли на конвейер сталинских репрессий. Пострадавшие были действительно виновны в неподчинении новому тоталитарному государству, но они не виноваты перед тысячелетней Россией. Революция продолжалась, разрыв во времени усиливался. Происходило укрепление абсолютистской, тоталитарной власти. Впрочем, исследование этой трагической темы должно быть продолжено.

Посмотрим теперь, как менялся идеологический язык и что происходило за стенами советских концлагерей. Многие из тех, кто находился вне ГУЛАГа, испытывал эмоциональный подъем и энтузиазм. Энергия оптимизма присутствует в идеологических лозунгах и призывах 1930-х годов. Все эти «даешь», «обгоним», «выполним досрочно» проходят красной нитью через советские кинофильмы, газеты, журналы того времени. Причины общественного энтузиазма, который вовсе не был мистификацией, убедительно объясняет Александр Солженицын. В стране была инициирована, выражаясь словами социологов,

Советский социализм — неисследованное

огромная вертикальная мобильность. Место низвергнутых социальных слоев, место тех, кто попал под дамоклов меч репрессий, занимали новые вышвыженцы из народа. Люди, еще недавно пребывавшие на третьестепенных социальных позициях, неожиданно становились лидерами и хозяевами страны. Их оптимистическое мировидение и передают песни, лозунги, названия улиц тех времен.

Если в 1950-х годах еще можно было рассчитывать на то, что планы партии мы «выполним» и «перевыполним», то позднее о перевыполнении речь уже не шла, его сменило безликое «выполняются». Меняющаяся терминология показывала бессилие власти, ее неспособность идеологически поработить общество. Вообще следует разобраться в вопросе — почему массовые репрессии сотрясали страну в 1930-х годах, но их масштаб в 1960—1980-х годах был несравнимо более умеренным? Может быть, общество оказалось уже сломленным, и террор стал просто излишним?

Причины создавшейся ситуации были в другом. В стране наступил период своеобразного равновесия или равнобесилия — власть уже не могла оказывать на общество большее давление, чем она оказывала, а общество, в свою очередь, приспособилось жить двойной жизнью — внешне как бы принимая игру в строительство коммунизма, а внутренне оставаясь к партийной болтовне и демагогии совершенно безучастным.

Чтобы лучше понять, почему идеология сохранялась у нас 70 лет, необходимо учитывать ее способность к мимикрии. На сохранение идеологического государства была направлена вся его мощь. Для правильного понимания ситуации очень важен анализ преобразований, произведенных в период перехода власти от Сталина к Хрущеву. В большинстве исследований на эту тему подчеркиваются безмерная жестокость и тирания первого, либерализм и мягкость второго. Несомненно, разоблачение сталинских преступлений XX съездом, к которому Н.С. Хрущев шел несколько лет, хотя речь шла исключительно о репрессиях в отношении номенклатуры, и с сегодняшних позиций можно только приветствовать. Но мы и по сей день не информированы о подлинных мотивах и истинных причинах такого шага.

Тогда как поворот, произошедший в организации советской государственности, изменения в параметрах его «комидеологической» машины после 1953 г. были принципиальными. Широкозахватная «комидеология» с прямым силовым воздействием на каждого человека была заменена опосредованной, с воздействием на сознание каждого человека через информационные каналы. Все те, кто был подвергнут репрессиям при Сталине, и выжил, были к 1956 г. выпущены на свободу, а сама система лагерей прекратила существование. Тоталитарное государство осуществило *«самолиберализацию»*. Такие процессы происходят крайне редко, они не могут быть результатом случайного стечения обстоятельств и нуждаются во внимательном изучении. Обычно хрущевскую «оттепель» связывают с характером и личными качествами самого ее творца. Но все ли объясняют особенности первого руководителя? И почему до 1953 г. этот же самый человек проявлял совершенно другие качества? Будучи в 1930-х годах партийным руководителем на Украине, именно Хрущев подписывал карательные приговоры в отношении множества местных «врагов народа». В своих мемуарах он признавал, что его руки были «по локоть в крови».

Наша гипотеза состоит в следующем. Смена стратегии и тактики «комидеологии» была не случайной и не субъективной. Ее трансформация представляла

собой реакцию на хотя и известные, но недостаточно проанализированные события. Тоталитарная власть реагирует только на адекватное силовое противодействие и такое противодействие было. Осенью 1989 г. в Москве проходила учредительная конференция общества «Мемориал». Среди выступавших, был гость из Днепропетровска И.М. Доброштан, судимость с которого так и не была снята. Игорь Михайлович (Доброштан) рассказал, что в 1953 г. в Воркуте работал в 1 лаготделе шахты «Капитальная», тогда он и стал одним из руководителей стотысячного восстания заключенных. Зеки прекратили работу, им удалось захватить территорию нескольких лагерей и взять ее под собственный контроль. Восставших пытались уничтожить войска НКВД, против них была поднята военная авиация, но бунт продолжался. Штаб повстанцев был самолетом доставлен в Москву на переговоры с членами Политбюро. Частично требования штаба были выполнены, частично их обманули. В конце концов, восстание было прекращено. Часть заключенных бежала в тайгу. Некоторые погибли из-за нападения волчьих стай. Обглоданные трупы охранники потом демонстративно возили по лагерям, популярно объясняя, что будет с репрессированными, поднимись они еще раз.

Никак не информируя граждан страны о происшедшем (фильм «Холодное лето 53-го года» не в счет, здесь акцент смещен в совершенно иную плоскость — противостояние не власти и лагерников, а «плохих» уголовников и «хороших» политических), сам господствовавший режим располагал всей полнотой данных и вполне мог сделать должные выводы. Вождем стало ясно, что продолжать массовые репрессии невозможно, поскольку в следующий раз не спасут ни лагерные, ни кремлевские стены. А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» также описывает три произошедших после смерти Сталина восстания заключенных Воркуты, Норильска и Кенгира. В октябре 2004 г. в Москве, в обществе «Мемориал», проходила небольшая конференция участников Кенгирского востания-забастовки. Свидетельства кенгирцев также убеждают автора в правомерности высказанного здесь предположения. После этих массовых бунтов и началась либерализация, хрущевская «оттепель», массовое жилищное строительство и переселение из коммуналок в пятиэтажки, много позже названные «хрущевками».

Между тем, закрыв сталинские лагеря, партия на этом не остановилась. В марте 1954 г. Пленум ЦК КПСС принимает постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Эпоху ГУЛАГа сменяет эпоха ударных комсомольских строек. Первые секретные и теперь открытые документы ЦК о предстоящем освоении целины датированы октябрём 1953 г. (Возможно, этот вопрос обсуждался в партийном руководстве и раньше.) А уже весной 1954 г. в Западную и Восточную Сибирь, на Урал и прежде всего в северный Казахстан по комсомольским путевкам направляется более 500 тыс. человек. К этому времени в местах расположения целинников не были подготовлены ни жильё, ни бани (!), не организована система торговли, не достает ни продуктов, ни промтоваров. Не достает также техники, складов, элеваторов. В письме от 15 декабря 1954 г., направленном Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, целинники жалуются, что живут в старых землянках по 3 — 4 семьи, освещения — нет, отопления — нет, положенные одежда и продукты не выданы. (В числе прочих документов это письмо было представлено летом 2004 г. в Центральном экспозиционном зале федеральных архивов на выставке, посвященной 50-ле-

Советский социализм — неисследованное

тию освоения целины.)

Возможность бесплатно использовать труд заключенных была исчерпана и ей на смену пришла выдуманная идеологами «романтика ударных комсомольских строек». Власть и на этот раз проявила неспособность перейти к интенсивному ведению хозяйства, вместо качественного развития в стране продолжала действовать стратегия экстенсивного роста. С точки зрения экономической эффективности невозможно понять, почему силы были брошены не на подъем богатейшего российского Черноземья, а на освоение полунепригодных для земледелия территорий. И по сей день, когда средний урожай зерновых в Европе равен шестидесяти-семидесяти центнерам с гектара, когда у нас средние показатели превышают двадцать центнеров, на бывшей целине они едва преодолевают уровень в десять центнеров с гектара.

Но и само экстенсивное развитие выглядело очень странным. Программы освоения запущенных земель не выполнялись по всем позициям, кроме одной — количество отоброшенных и направленных в новые районы людей всегда соответствовало или превышало плановые показатели. За несколько лет на новые земли было отправлено 2 млн человек! И опять же самим целинникам можно лишь в ноги поклониться, они добровольно отдали свою молодость, свою энергию подъему сельского хозяйства, сознательно разрушенного в ходе коллективизации и борьбы с кулачеством. Но власти именно этого и добивались, два миллиона молодых энергичных людей увязли в борьбе со стихией, им было уже не до политической активности и не до гражданских протестов. Освоение целины — это лишь в третью очередь экономический проект, в первую и во вторую — это сознательная политико-идеологическая акция. В Политбюро очень не хотели иметь дело с новыми И. Доброштанам.

И по сей день уничтожение российского сельского хозяйства, коллективизация, раскулачивание, гибель от голода миллионов людей не стали трагической меткой нашего календаря, за это никто не ответил. Однако 50-летие варварского освоения целины отмечалось на самом высоком уровне. Думаю, еще найдутся у нас исследователи, которые продолжают «Архипелаг ГУЛАГ» и напишут «Архипелаг Целина».

С середины 1950-х годов на смену физическому воздействию на граждан, ставшему для власти слишком опасным, на первый план вышел контроль за мыслью и словом. Идеология адаптировалась. В 1960-х годах язык всех газет, радио, устных докладов и выступлений на собраниях, а они должны были писаться заранее, стал настолько трафаретным, настолько «отшлифованным» цензурой всех уровней, что это превышало психологические способности людей выдерживать подобное давление. Отовсюду слышно было только «Слава КПСС». Впрочем, эта дурная слава обществу опостылела, и люди искали способы, как от нее избавиться.

Если говорить о руководителях Советского государства, то каждый из них внес свой специфический вклад как в становление, так и в разрушение идеологической гильотины. Создателем «комидеологии» был В.И. Ленин, именно он посадил государство на «идеологическую иглу» и тем самым обрек свое детище на крах. Спор о том, что бы было, если бы он действительно руководствовался коммунистической или социалистической идеей и не создавал систему подавления человека и его мысли, может быть долгим и неоднозначным. Спор же о том, к чему приводит ориентация на «комидеологию», уже представлен на этих страни-

цах и однозначно подытожен: такая ориентация приводит к катастрофе.

Огромную лепту в разрушение советской системы внес Н.С. Хрущев. В 1961 г. он заставил партию принять программу, рассчитанную на 20 лет, четко и ясно гарантировавшую построение коммунизма в СССР в 1980 г. 67-летний Хрущев на весь мир огласил сроки, даты, десятки конкретных социально-экономических показателей, которые предстояло достичь и которые достичь было невозможно. Хрущев поступил как настоящий номенклатурный коммунист, для которого главное — власть, а вовсе не коммунизм. То, что для Никиты Сергеевича было способом удержания власти, для его последователей стало удавкой. Власть КПСС была действительно легитимирована на ближайшие годы и полностью делегитимирована и дискредитирована по мере приближения к «некоммунизму» 1980 г. В намеченный срок ни один показатель этой программы (выплавка 250 млн тонн стали; производство 3 млрд квтч. электроэнергии; отмена денег, о которой впрямую не говорили, но подразумевали, ибо коммунизм это и реализация принципа «всем по потребностям») не был достигнут. Более того, принятие III программы партии в 1961 г. означало, что ее II программа выполнена, однако отчета о выполнении II программы не последовало и последовать не могло, ибо те немногие конкретные социальные показатели, которые в ней присутствовали, за прошедшие после принятия 40 лет также не были достигнуты. Принятая XVIII горбачевским съездом так называемая новая редакция III программы, вынужденная переместить построение коммунизма неведомо куда, уже не решала никаких партийно-номенклатурных проблем и была как «мертвому припарки».

В результате всей этой деятельности «ума, чести и совести нашей эпохи», как тогда скромно именовали КПСС, «комидеология» и порождаемое ею государство вступили в полосу глубочайшего кризиса, ибо коммунизма не было, и он не предвиделся. При этом коммунизм был единственным, что могло легитимировать советское государство. «Комидеологическая» машина мистификации работала на последнем пределе. Коммунизм надо было построить, этого ждали коммунисты всех стран, этого ждал весь мир, этого ждал и советский народ. Руководство партии должно было предъявить обществу коммунизм на блюдечке либо получить полное недоверие и утрату легитимности. Но из троянского коня ленинско-хрущевского коммунизма вылезли наконец его могильщики. Последний советский генсек Горбачев лишился и другого ресурса — каждый прежний партруководитель любые преступления коммунистов сваливал на предшествующего вождя. К середине 1980-х годов и этот ресурс был полностью исчерпан. Известная поговорка сталинских времен трансформировалась в свою противоположность — жить становилось все хуже, жить становилось все грустнее.

И тогда новый лидер был вынужден пойти на свой вариант «целины», партия провозгласила переход к политике перестройки. Попытка осуществить московскую версию пражской весны, стремление модернизировать идеологию и реформировать неререформируемое, закончилась распадом и идеологии, и государства, которое эта идеология спланировала. Конечно, заранее предвидеть, к чему приведут действия властей, было почти невозможно, поскольку реальным субъектом политической жизни становилось общество, прежде всего, та его часть, которую называли неформалами и демократами. Горбачев был вынужден либерализовать идеологию. Партия перестала «улучшать и углублять развитой социализм», власти пытались говорить с народом нормальным человеческим язы-

Советский социализм — неисследованное

ком. В ход были пущены лозунги о гласности, демократизации, ускорении, новом мышлении, общем доме...

При этом реальная цель партруководства заключалась в модернизации советского социализма. А гражданское демократическое движение, которое вывело на митинги и демонстрации сотни тысяч человек, стремилось к демократии без всяких прилагательных типа «подлинная» или «социалистическая». Результат заранее никто не мог предсказать, но фактически процесс привел к полному разрушению идеологии и разделению номенклатуры надвое — на так называемых демократов и так называемых коммунистов. В критический момент, когда власть осознала, что ее призывы никто не слышит и в диалог с ней никто не вступает, она перешла к «применению идеологии в широком смысле». Всю Москву, а вслед за ней и всю страну три дня пытались превратить в ГУЛАГ. Советская столица оказалась под прицелами советских танков. «Комноменклатура», пришедшая к власти в 1917 г. в результате переворота и Гражданской войны, была готова организовать самопереворот и новую гражданскую войну модели 1991 г. Но оказалось, что власти не только никто не верит, у нее уже нет возможности заставить себе верить. Номенклатура впервые столкнулась с бессилием своих слов и бессилием своей силы. Народная ненависть была сильнее страха, и власти потеряли контроль над страной. Распад идеологии в тоталитарно-идеологическом государстве неизбежно вел к распаду де-факто, а затем, или параллельно с этим, де-юре самого государства. На месте коммунистической идеи начало формироваться нечто неясное.

Итак, какой была Россия, вступая в XX в., мы написали, а какой Россия из него выходила? Ни одно поколение советских людей не жило достойной, спокойной, обеспеченной жизнью. Войны, голод, репрессии, дефицит в большей или меньшей мере отравляли жизнь все семь советских десятилетий. За это время сформировался глубокий разрыв между СССР с другими соцстранами и остальным миром. Европа разделилась на Восток и Запад. В Советской России возникло и непрерывно усиливалось глубокое экономическое отставание от Запада.

Пропорции в экономике оказались сознательно нарушенными. Опережающее развитие в области обороны, безопасности, военной науки, космоса оборачивалось острой нехваткой жилья, бытовых товаров, хроническим кризисом сельского хозяйства. Власть становилась все более несовместимой с интеллектом, здравым смыслом и простой человечностью. В номенклатуре могли оставаться лишь совершенно серые и бесталанные люди. Разрыв между обществом и властью возрастал. Лучшие умы были вынуждены вставать в оппозицию режиму либо нелегально покидать страну.

Литература

- Ленин В.И.* Соч. Изд. 2-е. М., 1926-1932. Т. 24; Т. 33; Т. 41.
Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.
Солоухин В. При свете дня. М., 1992.
 Философский энциклопедический словарь. М.: Политиздат, 1980.
Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.
Хайек Ф. Дорога к рабству. Лондон, 1983.